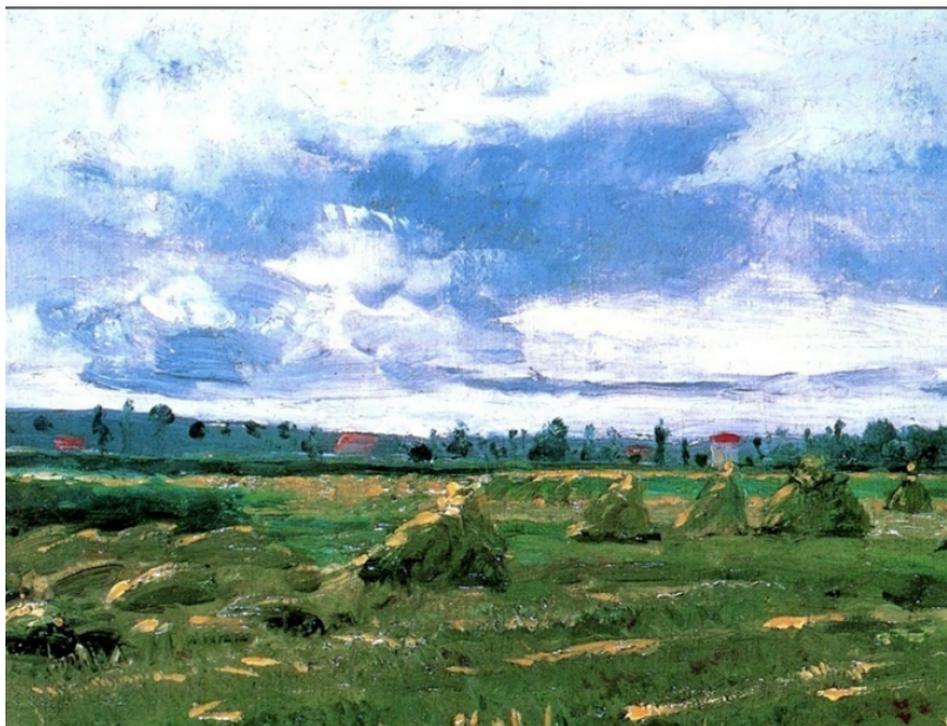

Сергий Чернец

*Бабушкины
рассказы*

Сергий Чернец

Бабушкины рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23577469

ISBN 9785448398018

Аннотация

На самом деле это рассказы внуков, воспоминание и описание детства, о бабушках в деревне, о том как жили в конце 20-го века в наших провинциях обычные люди.

Содержание

Бабушкины рассказы	5
Часть 1	5
Часть 2	16
Часть 3	23
Часть 4	30
Часть 5	38
Документальный рассказ (рабочее название)	43
Часть 1 Объяснение	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Бабушкины рассказы

Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2017

ISBN 978-5-4483-9801-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бабушкины рассказы

Часть 1

Эти истории рассказала мне давным-давно, еще до Перестройки и до известных изменений нашей страны, моя добрая бабушка, пожилая пенсионерка, всю жизнь проработавшая учительницей в сельской школе. Я передаю её рассказы, как могу и как умею; конечно, мне теперь уже не воскресить забавную прелесть русской сельской речи, ни специфических деревенских словечек и оборотов, ни того спокойно-го и неторопливого тона рассказов....

Приезжая в далекую от города деревню, более 100 километров (120), я всегда попадал в другой мир: где были другие дома, не из кирпича, «бетона и стекла», как в городе, где мы жили в панельном бетонном доме.

В городе у нас был кирпичный детский садик новый, только что построенный по новому проекту, видимо, где в группах, в игровых комнатах были высокие до потолка и широкие окна, такие, что вся комната, большая, огромная для нас, для детишек, озарялась и наполнялась светом.

В деревне, в большом деревенском доме и все предметы были другие, из старины глубокой. Но не просто так эти

старинные предметы стояли и лежали, как я видел однажды в краеведческом музее города в экспозиции «старинная изба», – они использовались по назначению.

Была керосиновая лампа со стеклом бутылкой, которую бабушка зажигала и с которой выходила вечером в хлев и сарай к своей козе и к курам и гусям. Около печи стояли ухват и кочерга, в печи на «приступке» чугунок, в которых варился-парился суп и другие продукты. В углу комнаты, у окна напротив дверей бросалась в глаза прялка с большим колесом, это бабушка пряла шерсть и приводила в движение прялку ногой. Она вязала нам всем шерстяные носки и варежки. Шерсть покупалась два раза в год, весной и осенью и я заставлял, когда прялка была в употреблении.

Вместо кроватей были «полати», это такая же широкая кровать из досок, в два яруса, не понимал я всей сути «полатей». «Полати» были и наверху русской печи. Они закрывались занавеской, а чтобы залазить на них, вдоль печи стояла широкая лавка из толстой доски, потемневшей от времени, как я думал, на самом деле покрашенной морилкой, как потом узнал.

И вот, всякий раз вечерами, когда я на «полатях», на широком матрасе уже залезал под одеяло, а бабушка сидела под лампочкой за столом и вязала или перебирала ягоды, которые мы собирали в лесу ведрами. В комнате было не очень светло, одна лампочка под старинным абажуром тряпичным освещала только стол, а все углы были в темной тени. Тут

в моем мальчишеском воображении в одном из темных углов виделись образы (открывался экран, как телевизор) и я видел все события и всех героев из бабушкиных рассказов и приключения их.

Первая история – древнегреческий миф:

«Я думаю, что всем известны предания греческие о Геракле и других героях мифов. Но далеко не все знают предание старых анатолийских греков о Леандре и Геро.

Леандр жил по одну сторону моря в греческом городе Абидосе; Геро жила по другую сторону в малоазийском городе Сестосе. Леандр был прославленным атлетом на олимпийских играх, одинаково непобедимым в борьбе, беге, плавании, метании диска и стрельбы из лука; Геро была младшей жрицей в храме Артемиды.

Оба они были молоды и прекрасны и телом и лицом и душами, как только могут быть прекрасны невинная девушка в шестнадцать лет и пылкий юноша в девятнадцать.

В один из великих дней, когда в Абидосе устраивались атлетические соревнования, Геро и Леандр увиделись на стадионе и с первого взгляда полюбили друг друга: ведь именно так приходит к людям любовь настоящая, словно искра пробежала из глаз обоих и встретившись искры зажгли пламень любви в их сердцах.

В тот же вечер, покинув роскошный пир, они, незаметно для любопытных взоров, сошлись в цветущей апельсиновой рощице, где сказали друг другу главные слова о любви

и обменялись первыми целомудренными поцелуями. Но нет в мире такой радости, на дне которой не таилась бы горькая капля печали.

Во время этого нежного свидания, молодые влюбленные узнали о том, как трудно, почти невозможно было им стать мужем и женой. Геро, как жрица, не могла покинуть Храм раньше достижения двадцатилетнего возраста, не навлекая на себя бесчестие. А отец Леандра был знатный аристократ и первый богач Абидоса, и уже давно было решено им, женить сына на единственной дочери другого, более богатого коринфского купца, с которым он вел торговые дела.

Среди глубоких вздохов, непрерывных поцелуев и соленых горьких слез – возлюбленные решили терпеливо ждать счастливой поры, когда два великих бога – бог любви и бог случая – ниспошлют им радость соединиться навеки, а до этого дня решили неизменно любить друг друга.

– Но как же мы будем видеться? – уныло спросил Леандр. – В обоих городах нас знает каждый человек.

– Тогда будем видеться ночью, – предложила ему Геро.

Леандр покачал головой: Разве тебе неизвестно, о душа души моей (!), что по ночам все гавани загораживаются цепями и ни одна лодка не пропускается в пролив? —

Ну, и что же? – быстро возразила Геро. – Разве ты не лучший пловец в Абидосе, и во всей Греции и во всем белом свете? —

– Ах и правда! Вскричал восхищенный атлет. – Это

не пришло мне в голову. Я уже переплывал пролив Геллес-понт четыре раза, всегда без усталости и затруднений.

Они тогда крепко обнялись и условились, что на другой день Леандр переплывет пролив, а Геро около полуночи будет ждать около старой башни, разрушенной временем, потому что построена была еще древними могучими циклопами.

На другой день, ранней ночью, тайно выскользнула прекрасная Геро из жилых помещений Храма. Дрожа от любви и от страха ночного и от ночной свежести, она пришла к старинной замшелой в развалинах башне и стала терпеливо ждать.

Необычайно долго тянутся минуты и часы ожидания. Сердце девушки стучало в ночи так громко, что, казалось, его биение было слышно даже в Абидосе.

Проходило мимо башни козье стадо, а за ними шел пастух, знакомый всему городу Сестосу, высокий, жилистый старик, похожий на большого похотливого козла или на крепкого, лукавого тигра, с сединою в вьющихся волосах и с короткой курчавой бородкой.

– Эй, девчонка! – сказал он низким голосом. – Твой любовник или очень запоздает, или вовсе не придет, а ты, сидя на холодных камнях, заполучишь болезнь в костях. Возьми мою накидку шерстяную, да сядь на нее и закутайся ею.

– Уйди, уйди, противный! – сердито закричала Геро. – Фу! От тебя даже издали пахнет козлом!

– Ха! – усмехнулся мнимый пастух. – А почему ты думаешь, что пахнет козлом, а не богом? – сказал он, потому что это и был бог «Сатир». – Да ты не бойся меня, девчонка. Я ничего не делаю насильно, если сам человек не захочет, я только заманиваю. И притом не люблю я зеленой травы, которой наслаждаются мои козы и козлы! Ну, вот я могу отойти, а чтобы тебе не было тоскливо дожидаться твоего красавца юношу, я сыграю тебе хорошенькую песенку.

И Сатир сел на камень и стал играть на свирели одну песню за другой. Под синим небом, усыпанным крупными и яркими звездами каждая песня была милее предыдущей. И все песни были так нежны, так сладки, так чисты были звуки легкого музыкального инструмента, что заслушавшись, забыла Геро свою тоску.

Она даже сказала:

– Послушай, старый козел, сыграй эту песенку еще раз.

А время бежало и бежало. Стало светлеть вокруг. Пастух всё продолжал играть, играл да играл на своей свирели. Вдруг девушка сказала:

– Эй ты, «сатир»! и правда, дай-ка мне твое покрывало, я вся дрожу от утреннего холода.

Порозовело море от дальней утренней зари, стали ясно видны ближние, а потом и дальние предметы. Опасно было для Геро оставаться дольше вне стен храма, и она печально пошла домой, в ту ночь, так и не дождавшись своего любимого.

К полудню она получила через верного человека, который переплыл пролив на лодке, весточку на восковой дощечке, раньше греки писали стилусом на таких дощечках покрытых воском. Леандр писал ей о том, что одно дело плыть днем, а другое дело плыть ночью. Он плыл всю ночь, потерял направление среди волн, одинаковых со всех сторон, руководствуясь только чутьем, он плыл наугад, а к утру очутился опять у своего абидосского берега. Леандр просил Геро, чтобы в следующую ночь она развела бы на вершине башни костер из сухих кустарников и из деревянных обломков, которых много валяется на берегу.

Так случилось на следующую ночь. Покорная своей любви и волнениям, опять пришла прелестная Геро к циклопической башне и опять застала там пастуха, старого бога Сатира. Дул сильный восточный ветер. Началась в эту ночь буря. Белые валы кипящих и шипящих волн набегали на берег и, яростно бухаясь об него, растекались широко по земле. К тому же начался, злой и резкий дождь.

– Пастух, пастух! – взмолилась беспомощная Геро. – Ты, и правда, ужасная уродина, но ведь ты добрый и, надеюсь, не откажешь помочь мне зажечь костер на верху башни? —

– Сигнал для милого? – спросил Сатир улыбаясь. – Отчего же не помочь! Во всех делах любви я всегда самый усердный помощник.

Геро невольно удивлялась, с какой быстротой и ловкостью работал старый пастух, за ним не угнались бы четверо моло-

дых. По внутренним ступеням каменной башни он живо натаскал множество деревянных останков от судов и лодок разбитых, валяющихся на берегу. Девушка подавала ему снизу сучья иссохших прибрежных кустарников и вереск, сушеную траву.

– Не смей щипать меня! – визжала она порою.

– Прости, я нечаянно, – говорил пастух смиренно.

Когда же они развели большой и яркий огонь на вершине башни и спустились вниз, то сказал пастух, козий начальник:

Вот что, девочка моя, дождь и буря усиливаются с каждой минутой. Сидя здесь, ты размокнешь так, что твой милый найдет вместо тебя мокрую кашу. Пойдем-ка со мной, я знаю здесь неподалеку пещеру, сухую и просторную, там укроемся до нужного часа. А огонь я сам буду время от времени поддерживать.

– Только ты будешь вести себя смирно, о старей «сатир»! —

– Даю тебе слово.

Пещера была, в самом деле, удобная, большая и чистая, и пол её заботливо был устелен сухими листьями и вереском.

Геро с удовольствием села на громадную шерстяную накидку из густой козьей шерсти. Пастух тоже присел на краешек покрывала.

– Вот теперь, – сказал он, – я буду рассказывать тебе сказки. Чтобы нам обоим было не так скучно.

И начал он рассказывать о птице «Сирин», возрождаю-

щейся из огня, о просторах морей и русалках. Ах, как он рассказывал! На что уж хорошо играл он на свирели, но сказки его были во сто крат лучше. Говорилось в них о волшебных странах и о жизни самих богов на Олимпе, и все сказки были, как бы пронизаны и пропитаны веселой, легкой, проказливой любовью. В сказках говорилось про другую любовь, когда на страстный натиск она игриво отвечала замаскированной податливостью и откровенной жадой наслаждения.

Однажды, среди рассказа пастух встал на ноги и выглянул из пещеры.

– Костер горит слабо, – сказал он, – я пойду подкинуть топлива.

– Иди, – сказала девушка, – только возвращайся поскорее, мне страшно одной! —

Пастух быстро управился с огнем на башне и вернулся назад.

– Садись, приказала ему Геро, – да поближе. Издали мне плохо слышно. Ну и рассказывай... —

И опять пастух стал плести сказку за сказкой, и были некоторые из них таковы, что Геро во тьме пещеры краснела не только лицом, но и грудью. Однако слушала она с величайшей радостью и часто говорила: «Еще, ну, еще одну!». И сама не сознавала того, что её тонкие пальчики ласково перебирали жесткую курчавую бородку Сатира-рассказчика.

Через некоторое время, когда снова пастух хотел пойти поправить костер, он сказал:

– Огонь опять уменьшается. Я пойду и подброшу дров.

– Не надо! – капризно сказала Геро. – Я отсюда вижу, что костер горит. Иди скорее ко мне досказывать сказку, а чтобы было теплее, ложись рядом со мной! —

И в эту минуту послышался слабый дальний призыв от берега:

– Геро, любовь моя! —

Это был голос Леандра. Пастух проводил девушку до того места, куда волны выбросили юношу, а сам скрылся в темноте ночи. Но прежде чем исчезнуть во мраке, он шепнул девушке на ушко:

– Завтра я опять приду, а днем ты можешь найти меня у ворот Ахилла, в доме, над воротами которого торчит большая козлиная голова (это был известный в городе дом, где девушки ублажали всех проходящих за плату).

Геро с трудом дотащила Леандра до пещеры. Он смертельно устал и был жестоко разбит волнами о прибрежные камни, изранен. Падая на постеленную в пещере козью шкуру, он успел только прошептать имя возлюбленной и растянулся без чувств. Геро просидела около него с час-полтора, но убедившись, что его обморок перешел в глубокий сон, она тихо встала, поцеловала Леандра холодно в лоб и ушла. Кончилась её любовь к юноше и полюбила она Сатира – бога соблазителя в образе пастуха коз.

Утром обитатели Храма Афродиты хватились: где Геро? Но её так никогда и не отыскали – она исчезла бесследно.

А что же касается Леандра, то когда он проснулся и узнал, что заснул во время любовного свидания, лежа рядом с возлюбленной, то пришел в отчаяние. Большого позора, чем тот, который пал на него, – не существовало в Древней Элладе. Поэтому Леандр тоже ушел навсегда из родных мест. Его тоже искали, но нигде найти не могли. Один из жителей Абидоса, побывав в Афинах и видел в столичном театре актера похожего на Леандра. Но тот человек был известный лжец и ему никто не поверил. А народ сочинил эту прекрасную легенду.

Мораль в легенде той такая: не надо ставить перед собой сверх целей, а женщины любят скорее ушами, чем подвиги, которых не видят!»

На этом первый рассказ моей бабушки закончился, и как мог я его передал вам. Легенды и мифы древней Греции, потом прочитал я в книгах, про Геракла, про Прометея. Но таких легенд я не читал нигде.

Часть 2

Память хранит самые яркие и прекрасные воспоминания детства. Я вспоминаю, как я приезжал в районный поселок на автобусе с мамой, а бабушка нас встречала. Потом мы ехали на телеге с большим фанерным коробом, в который был загружен хлеб для нашего магазина (и запах свежего хлеба мне запомнился на всю жизнь). Это Андран-Вачи, пожилой дедушка, возил из райцентра, из пекарни свежий хлеб для наших трех деревень. Телега ехала по лесной дороге и лошадь бежала быстро, потому что бежала домой, как говорил Андран-Вачи.

Три деревеньки стояли около маленькой речки Малевки. В реке были омуты, глубокие места, но она была неширокая, как взрослые говорили: «в четыре шага». Но речка текла и по песчаным перекатам, которые мальчишки переходили по колено в воде.

Одна деревенька стояла чуть в стороне и на другом берегу и на высокой горке, на длинном холме, поросшем лесочком. Дорога к этой деревеньке Нагорной вела через мост. Этот мост, который объединял все три деревни, каждую весну разбирали, потому что в половодье его сносило течением разливающейся реки. А вначале лета строили мост вновь.

Другая деревня тянулась вдоль реки по пологому склону, и весной их огороды затопляло водой. Эта деревня Дольная –

не только потому что вдоль реки, а потому что уходила в поля и доли, тянущиеся за ней широко до дальнего леса у горизонта, так мне бабушка объяснила.

А наша деревня стояла к речке торцом, и тянулась по самому краю леса, и у самого моста был общий магазин, улица нашей деревеньки тянулась от магазина вверх по склону. И называлась наша деревня просто – Старая!

Мальчишки любили бегать к реке, к песчаному пляжу. Омут, скрывающий сваи моста, кончался перекатом буквально в ста метрах по течению и на песчаном мелководье все дети плескались купались во все летние солнечные дни, загорали на желтом песке на берегу. А выше моста, на берегу, поросшем осокой и камышами, старшие ребята ловили рыбу. Полюбил рыбалку и я. Еще маленьким – лет в 5, я делал себе удочки из ровных палок, из сломанных длинных веток прибрежных ив, а потом по подсказкам старших сделал из орешника настоящую недлинную удочку. И я уже приносил домой небольших рыбок, которых бабушка жарила на сковородке.

А вечером она мне читала сказки из книги: «Сборник русских народных сказок». Была прочитана сказка «О золотой рыбке», но из народных, из сборника, были такие сказки, которые я никогда потом нигде не слышал:

Сказка о Ерше Ершовиче.

Ершишко-кропачишко, ершишко нехороший

Склал вещи на телегу со своими мальками-ребятками;

Пошел он в Кам-реку, из Кам-реки в Трос-реку,
Из Трос-реки в Кубинское озеро,
Из Кубинского озера в Ростовское озеро.

И в этом озере выпросился остаться одну ночку.

От одной ночки – две ночки, от двух ночек – две недели,

От двух недель – два месяца, от двух месяцев – два года,

А от двух годов – жил тридцать лет.

Стал он по всему озеру похаживать,

Мелкую и крупную рыбу иглами покалывать.

Тогда мелкая и крупная рыба собрались в один круг

И стали выбирать себе судью праведную

И выбрали рыбу-сом с большим усом:

– Будь ты, – говорят, – нашим судьей.

Сом послал за ершом, будто бы, за добрым человеком
и говорит:

– Ерш-ерш, добрая рыба! Почему ты нашим озером завладел? —

– Потому, – говорит ерш, – я вашим озером завладел, что ваше озеро Ростовское горело снизу и доверху, с Петрова дня до Ильина. Выгорело оно снизу доверху и запустело. Зато теперь ерша повсюду навалом.

– Ни вовек, – говорит рыба-сом, – наше озеро не горело! Есть ли у тебя в том свидетели или грамоты письменные да печати крепкие?

– Есть у меня в том свидетели и печати крепкие грамоты письменные: вот, сорога-рыба на пожаре была, глаза запалила, и понынче у неё глаза красные.

И посылает сом-рыба за сорогой: стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туда же понятыми... – зовут они сорогу-рыбу:

– Сорога-рыба! Зовет тебя рыба сом с большим усом пред свое величество.

Сорога-рыба, подойдя к рыбе-сом, кланялась. И говорит ей сом:

– Здорова сорога-рыба, вдова честная! Горело ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина?

– Ни вовек-то, говорит сорога-рыба, не горело озеро наше, а глаза красные от слез моих овдовелых.

Говорит сом-рыба:

– Слышишь Ерш, добрый человек! Сорога-рыба в глаза тебя обвинила.

– А сорога тут же примолвила:

– Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба обедает!

Ерш не унывает, да на бога своего уповает.

– Есть же еще у меня свидетели: окунь-рыба на пожаре был, головешки носил, и понынче у него крылья красны.

Опять: стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туда же понятых (это государственные посыльные), приходят к окуню и говорят:

– Окунь-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред

свое величество.

И приходит окунь-рыба. Говорит ему сом:

– Скажи, окунь-рыба, горело ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина?

– Ни вовек-то, – говорит, не горело наше озеро! Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба обедает, а что перья красны, – на солнышко выскакиваю, когда мальков гоняю, вот и опалился.

Ерш не унывает, на своего бога уповает, и говорит сом-рыбе:

– Есть же у меня в том свидетели: щука-рыба, вдова честная, притом не мотыга, на месте сидит, скажет истинную правду. Она на пожаре была, головешки носила и поныне у неё спина черна.

И снова: стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей туда же понятых, приходят к щуке и говорят:

– Щука-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество.

Щука рыба, подходя к рыбе-сом, кланялась:

– Здравствуй, ваше величество!

– Здравствуй, щука-рыба, вдова честная, притом не мотыга (не проматывает, значит, добро свое), – говорит сом, – горело ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина?

Щука-рыба отвечает:

– Ни вовек-то не горело наше озеро Ростовское! Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба обедает! А что спина черна,

так на солнышке загорела, когда я среди кувшинок и травы стою под поверхностью воды и добычу ожидаю-караулю.

Ерш не унывает, да всё на своего бога уповает:

– Есть же, есть, – говорит, – у меня свидетели: налим-рыба на пожаре был, головешки носил, и поныне он черен весь.

Снова: стрелец-боец (это рыба елец), карась-палач, две горсти мелких молей (что по верху плавают, чиклейкой называются) туда же понятых, приходят к налиму-рыбе и говорят:

– Налим-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество.

– Ах братцы! – говорит налим, – Нате вам гривну за труды и на волокиту; у меня губы толстые, брюхо большое, в городах не бывал, пред судьями не стаивал, говорить не умею, кланяться не могу.

Эти государевы посыльные и пошли по домам. А тут поймали ерша и посадили его в петлю, да на берег выкинули. По ершовым молитвам бог дал дождь да слякоть. Ерш из петли-то и выскочил. Пошел он в Кубинское озеро, из Кубинского озера в Трос-реку, из Трос-реки в Кам-реку. В Кам-реке идут щука да осетр, а ерш им говорит:

– Куда вас черт понес? Не ходите выше по течению, я там был и хорошего не видел!

Услыхали рыбаки Ершов голос тонкий и стали Ерша ловить. Пришел Бродилка-рыбак – бросил ерша в лодку себе, пришел Петрушка-рыбак – бросил Ерша в плетушку свою:

– Наварю, говорит, ухи, да и покушаю.

Тут и сказочке конец, а уха из ерша и без хлеба хороша да навариста, хлебай её горячую и питательную!

Часть 3

Наша деревня не зря называлась Старая. У нас, ближе к лесу и поросшая тонкими деревцами вокруг, стояла разваленная и обгоревшая барская усадьба, её ещё называли Даниловской усадьбой. Это был большой двухэтажный дом без крыши, с пустыми проемами и дверей и окон. И еще пара домиков одноэтажных, стоящих среди лесочка квадратными каменными коробками. Усадьбу сожгли во время революции в 1917 году. А потом она заросла чапыжником и березками вокруг.

Развалины находились недалеко от лесной старой дороги в район. В недавнюю пору, говорят после Войны (1945), построили колхозники новую дорогу по кособогу, – наверху дальнего от реки конца деревни. По лесной дороге, мимо старой усадьбы, редко ездили машины, но постоянно ходили люди пешком, чтобы не делать крюк километра два, и ездили на телегах запряженных лошадыми.

Провинция, уезд – по старинному, деревня затерянная в лесу – это особая своя страна, особый мир: там мельчайшие слухи и вести растекаются во все стороны не хуже радио, все встречаются в магазине, он один на 5 или 6 деревень. А телевизоров там мало, у некоторых домов нет антенн, повешенных на длинных восьмиметровых шестах-палках.

Вначале, давно ещё, мальчишки и юноши бегали в разва-

лины Старой (деревни), «на усадьбу», играть. Но случилось, что погиб один из мальчиков, – упал с высоты второго этажа на камни и ударился об камни головой. Тогда же родился слух, превратившийся в легенду, в миф, обрастая в молве народной подробностями. И вскоре во всех трех и в других деревнях многие жители твердо знали и верили, – что среди развалин усадьбы, под камнями лежит обгорелый барин Данила. И что по ночам он вылезает из-под камней и ходит по всей усадьбе и вокруг и горько плачет, взывая о погребении, он желает обрести себе могилу. И мальчика именно тот, обгорелый Данила-призрак столкнул со второго этажа, так как была уже ночь, хоть и летняя, светлая. В развалинах, скрытых за ветками было уже темно.

И вот, решились мы с мальчишкой соседом пойти посмотреть развалины усадьбы. А чтобы было не так страшно, сосед Женька взял с собой свою собаку....

Вечером, как послушный мальчик, рассказал я бабушке, что ходил на развалины. А бабушка немного пожурила меня и сказала, что нечего нам туда ходить, и нет там ничего необычного. А про призраки и видения сказала, что это черти и бесы соблазняют и пугают людей.

В тот вечер она рассказала мне другую историю-сказку, «Про охотника»:

Раньше охотники за шкурками зверей, за соболем и за белками, уходили зимой далеко в лес и жили там в небольших домиках – в «Заимках». А леса наши тянут-

ся от самой Волги реки, до самых Уральских гор и дальше в самую Сибирь. Они ставили капканы около таежных ручьев-источников и по оврагам, где зверь, соболь живет, и ходили с собаками лайками по лесу вокруг Заимки своей за белками.

Так вот. Один молодой охотник остался зимовать в лесу. Каждый вечер ложился он в своей заимке и любил играть на свирели, на дудочке. И как только заиграет – слышно было, что кто-то невидимкой перед ним пляшет, перед полатями, где он лежал, только одежда-платье шуршит, и ноги по полу топают тихонечко. Захотелось ему увидеть, кто такой пляшет. Однако что ни делал, пытался ловить-ухватить и как не ухитрялся – всё даром!

Рассказал он про это диво своему товарищу, когда встретил его в деревне: раз в ползимы приходят охотники, ушедшие в лес, домой за продуктами, под новый год, праздник встретить.

– Эх, приятель! – сказал ему товарищ. – Да ты возьми свечу-лампадку, зажги и накрой её черепком, а сам ляг на полати свои и заиграй в свирель свою; коли опять невидимка плясать станет – ты в ту же минуту открой свечку; ну, тогда и увидишь, кто пляшет!

Молодой охотник похвалил товарища за совет, пошел на Заимку свою и вечером, как сказано было – так и сделал: взял лампадку с маслом и фитилем, зажег и прикрыл «черепком», (кружкой большой), а сам заиграл на свирели своей.

Прислушался – опять кто-то пляшет под его музыку, только платье шумит, развевается! Открыл огонь – а перед ним стоит девица красавица.

– Ну, добрый молодец, – сказала она, – догадался ты меня подсмотреть, буду ж я тебя любить по правде.

С той поры начала она приходить к нему каждый вечер. Никому охотник про это не сказывал и так жил три года три сезона – от осени до весны. Под конец третьего года говорит девица парню:

– Ну, милый друг, недолго осталось нам с тобою в любви жить; приходит время совсем расставаться....

– Отчего так? —

– Да, видишь ли, отдают меня замуж в столицу, под большой мост, за черта, который там живет. Этот мост тем и славится, что многие прыгают с него, самоубийства совершают, чертом соблазненные.

– Как за чёрта! Какое тебе дело до нечистой силы? Или ты сама чертовка? – спрашивает молодой охотник.

– Нет, – говорит девица и рассказывает, – Я родилась в большом славном городе; отец мой был богатый купец; а попала я к нечистым оттого, что отец проклял меня, – так сильно проклятие родительское! Когда я была маленькая, подавала ему в один из жарких дней стакан браги медовухи, да нечаянно и уронила стакан на пол; отец осерчал, прикрикнул на меня: «Будь ты проклята! Экая дурища безрукая! Хоть бы чёрт тебя взял!». Только молвил он это слово,

в ту же минуту убежала я, куда глаза глядят, и очутилась в каком-то каменном доме, у чертей под началом.

Прощаясь, красна девица дала парню небольшой платок расшитый узорчатый:

– Возьми, – говорит, – сама вышивала; когда станешь по мне скучать, найдет на тебя грусть-тоска великая, ты только взгляни на эту вышивку – тебе полегчает. —

Остался добрый молодец один, и как только придет ему на мысль прежняя любовь, – тяжело ему делается, хоть руки на себя наложи! – возьмет он платочек вышитый, взглянет на узоры – и тоска пройдет.

Протекло с того времени год; сказал он про тот платочек своему товарищу, а тот украл этот платок волшебный, что всякую тоску-печаль снимает.

Парень начал сильно тосковать да с горя запоем пить, и до того дошел, что совсем пропился.

– Пойду, – говорит, – в столицу, найду тот мост и брошусь в воду; заодно пропадать! —

И пошел и нашел, и бросился с моста. Но в ту же минуту очутился он в другом царстве: кругом – зеленые поля, сады и рощи. Идет он дальше, видит, – стоит большой каменный дом; в окно смотрит та купеческая дочь, увидела его и кричит:

– Эй, милый! Поворачивай сюда; я здесь живу. – И убежала к нему навстречу:

– Здравствуй, голубчик! Давно тебя не видала; уж и ви-

деть-то не чаяла! —

Начала его целовать-миловать, всякими закусками и напитками угощать; а после спрятала его в особую горницу и научила:

– Скоро придет мой муж-чёрт, и громким голосом закричит: «Человек! Зачем пришел?» – а ты раз промолчи и в другой раз промолчи, а как в третий раз вскричит он, ты ему отвечай: «А что в зыбке у тебя, то мое!». Он станет за ребенка давать тебе деньги – сто золотых, – но ты молчи, станет давать двести – еще молчи, а как закричит он «в сердцах»: «Что молчишь? Возьми три сотни золотых», – тут ты и скажи: «Кабы жару кулек – я бы взял!».

Только успела она научить добра молодца, как пришел нечистый и громко закричал:

– Человеческим духом пахнет! Зачем пришел?

Парень молчит; нечистый во второй раз еще громче закричал – парень молчит; а на третий спрос говорит:

– Что в зыбке у тебя, то мое! Хочу с собой унести. —

– Не уноси, человек; возьми сто золотых.

Парень молчит.

– Возьми двести! —

Опять молчит. Нечистый осерчал:

– Что ж ты молчишь? Хочешь триста золотых? —

– Нет, не хочу, а кабы жару кулек – я бы взял, и то с таким уговором, чтобы ты меня с тем кульком на Землю нашу вынес.

Черт тотчас же притащил кулек жару, посадил парня к себе на плечи и говорит ему: «Закрой глаза!».

Парень закрыл глаза, и нечистый в вихре вынес его на землю. Очутился добрый молодец опять на мосту, подле него кулек с золотом, гораздо больше, чем сто и триста. Вот так-то он разбогател, приехал домой, женился на хорошей местной девушке и зажил себе счастливо. А кабы он польстился на деньги – то черт всё сделал бы наоборот: вместо денег насыпал бы конского помету и\или другой всякой дряни. На этом сказочке конец.

Часть 4

Мне понравилась собака моего соседа Женьки, которая всегда бегала с ним, когда он ходил гулять. Она купалась с нами в речке и даже охотилась, смешно прыгала мордочкой в воду, пытаясь рыбок поймать. И я мечтал иметь свою собаку.

Но вот, – беда! В нашей Старой, в деревне, совсем мало было собак. О моей детской мечте знала моя бабушка, и она поделилась с другими, в «общественном» месте, в магазине, с местными жителями, что внук её хотел бы небольшую собачку иметь.

Первые дни августа выдались тогда, помню, дождливые, и я скучал у окна, на улицу было не пойти. И в это дождливое время как раз и случилось чудо. Ближе к обеденному времени, к нам заехал почтальон, он привез письмо от родителей из города. А ездил почтальон, живущий в соседней деревне Нагорной, за рекой, на мотоцикле. И пока дождь, усилившийся, не утих, он решил переждать его у нас, у бабушки в доме. По скромности он долго отнекивался, но все-таки мы усадили его за стол, налили горячего чая, нашелся кусочек колбаски для бутерброда, и на стол выставлено было варенье. Тут-то, придя в радостное настроение, почтальон хлопнул себя по коленкам и воскликнул:

– Да! Чуть было не забыл! Говорят, что вы ищете собач-

ку? Так вот, у нас на Выселках (с краю дальнего, в километре от деревни), живет вдовая женщина Марья Федотовна. У неё имеется собака, которая в прошлом году принесла троих щенят. Собака её на цепи сидит, а щенок один остался и по двору бегает, сам видел. Годовалый небольшой, да вы сами увидите! —

Мы попили чайку и почтальон, по стихшему морозящему дождю, поехал на своем мотоцикле дальше развозить свою почту.

На следующий день мы пошли пешком в деревню Нагорную. Я помню ясно те детские впечатления: красоты природы были незабываемые. Небольшая речушка, среди высоких кустов весело журча несла свои воды в омут с черной водой. Мы вступили на деревянный мост с перилами, опершись на которые я вглядывался в темную воду, где у берега видны были травы подводные, вытянувшие свои длинные стебли, между которыми плавали, казалось, довольно большие рыбы поблескивая серебристыми брюшками при перемещении. А потом по дороге на гору, деревья и кусты на горе росли наклонно к поверхности земли. Они тянулись к небу, эти березки, — думал я, — а земля была горой, наклонная. И дорога шла по склону серпантинном, два раза поворачивая наоборот, то в одну сторону, то в противоположную.

Мы прошли всю деревню Нагорную насквозь. Прошли мы мимо сельсовета и почты в одном большом длинном деревянном доме-здании. И тут же, около сельсовета, такая же

одноэтажная длинная школа была. Вот сюда и ходила бабушка за 4 километра от нашей Старой, когда работала учительницей.

За деревней, через поле, виднелся высокий забор и крыша дома. Это – Выселки, хутор, куда от деревни отделили «кулаков», которые не хотели вступать в колхоз, – сказала мне бабушка. Они, говорит, были «единоличники», у них была своя земля, гектарами, свои коровы и лошади. Но потом хозяев-мужиков забрали на Колыму, а земля и всё хозяйство все равно забрали в колхоз. Остались дети и жены «кулатские», как их называли, и в школе их не любили, «кулатских детей», хотя они учились хорошо и многие теперь живут в городах и работают на больших должностях.

На Выселках было 5 домов в ряд вдоль дороги на колхозные поля. Марья Федотовна жила в самом первом. Мы вошли в широкий чистый двор. Там у небольшого столба на длинной цепи, которая была зацеплена за проволоку, протянутую от этого столба у ворот до собачьей будки у дома, – стала метаться и лаять собака.

Вот тогда я узнал от бабушки (учительницы по биологии), как нужно подходить к собаке: «По взгляду и по звуку голоса можно определить, что лает пес умный, незлобивый, – если в голосе не слышно чрезмерное рвение захлёб, так что слюни летят из пасти во все стороны; и незабитый, если слышатся повизгивания. Надо подходить прямо, без всякого колебания вперед-назад. И в этих случаях, когда ровный лай,

надо не забывать, что протягивая руку, следует держать её вверх ладонью, притом широко открытой, чтобы собака убедилась, что в ней нет ничего, что камня в ней не спрятано».

Старая женщина, вышедшая на крыльцо дома, крикнула:

– Ты поберегись, малец! Он тебя укусит! – это когда я протянул руку к небольшого роста щенку, набегавшему на меня от дома, от собачьей будки.

Но собачка не тронула меня. Она обнюхала руку и, поднявшись на задние лапы, передними уперлась мне в грудь так, что я едва не упал. Пес лез целоваться и лизнул меня в нос. Ему я дал вынутые из кармана кусочки сахара-рафинада, которые были разгрызены и проглочены с быстротой. И тут я обратил внимание на глаза щенка. Они были ярко-рыжего цвета, живые и серьезные. Взгляд глаз был твердый, доверчивый и проницательный. Глаза не бегали, не моргали, не прятались, – казалось, они настойчиво спрашивали меня: «Зачем ты пришел? Ведь не со злом?» Я почувствовал, что мы подружимся с ним.

Затем мы поздоровались с хозяйкой, а она пригласила нас в дом. Бабушку мою она знала, как учительницу своих сыновей и своих внуков даже. Теперь внуки редко приезжали из города. Только один сын с ней жил часто, каждый выходной, потому что у него детей нет, и недалеко он работал и жил в райцентре с женой. Это он забрал двух щенков в райцентр себе. А вот этот пес остался. Так рассказывала нам Марья Федоровна: «Он был нестандартный, отличающийся

и от матери. Мать была бело-серая с большими рыжими подпалинами по два и три по бокам, с темной спиной. А этот щенок весь почти был рыжий как лиса, только живот белел, и спина темнела узкой черной полосой».

А назвали рыжего пса Кнопкой – очень он маленький был. И больше не рос. Когда те два щенка были породистыми в мать, этот оказался дефектным и окраской и ростом – в два раза ниже и меньше.

Вот так появилась рыжая собака Кнопка, хотя это был пес, не самка. Он быстро привык ко мне и к бабушке. Когда она выносила ему поесть полное большое и глубокое блюдо, Кнопик прежде всего умудрялся лизнуть руку бабушкину, которой она ставила блюдо около крыльца. А жил он в «прихлевке», это перед входом в хлев, огороженный без потолка сарай, где лежало сено. На этом сене было место «налёжанное» у Кнопки.

Кнопка ходил с нами в лес, когда мы шли с ведрами за малиной, в известное бабушке место, – вдоль далекого лесного оврага были малинники, и дикая малина была лучше и вкуснее, как мне казалось. Кнопка гонялся за птицами, которые взлетали из кустов, – может это были рябчики, и как потомок охотничьей собаки Кнопка их знал. Он также бегал за зайцем, уносясь в лес и пропадая по часу, пока мы собирали ягоды....

Дома бабушка варила варенье, и разливала его по банкам, вечером. А потом читала мне очередную сказку:

Сказка., «Про собаку».

Жили мужик да баба и не знали даже, что такое работа; а была у них собака, она охотилась и приносила им еду. Но пришло время, стала собака стара, и не могла уже охотиться, чтобы мужика с бабой кормить, самой бы с голоду не помереть.

– Послушай, старик, – говорит баба, – возьми ты эту собаку, отведи за деревню и прогони; пусть идет куда хочет. Теперича она нам не надобна! Было время – кормила нас, ну, и держали её. —

Взял старик собаку, вывел за деревню и погнал прочь.

Вот и ходит собака по чистым полям, а домой идти боится: старик со старухой станут бить-колотить, думает. Ходила, ходила, села наземь и завyla горьким голосом. Летел мимо Дятел и спрашивает у собаки:

– О чем так ты воешь? —

– Как не выть мне, Дятел! Была я молода, кормила старика со старухой; стала стара. Они меня и прогнали. Не знаю, как век доживать.

– Пойдем ко мне, будешь караулить моих детушек, а я кормить тебя стану.

Собака согласилась и побежала за Дятлом.

Дятел прилетел в лес к старому дубу, а в дубе было дупло, а в дупле Дятлово гнездо.

– Садись около дуба, – говорит Дятел, – никого не пушай, а я полечу разыскивать корму. —

Собака стала сторожить, а Дятел полетел. Летал, летал и увидал: идут по дороге бабы с горшочками, несут мужьям в поле обедать. Пустился назад к дубу Дятел, прилетел и говорит собаке:

– Ну, собака, ступай за мной. По дороге бабы идут с горшочками, несут мужьям в поле обедать. Ты становись за кустами, а я окунусь в воду да вываляюсь в песке и стану перед бабами по дороге низко порхать, будто взлететь выше не могу. Они начнут меня ловить, горшочки свои поставят наземь, а сами за мной. Ну, ты поскорее к горшочкам-то и бросайся да наедайся досыта.

Собака побежала за Дятлом и, как сказано, стала за кустом. А Дятел вывалялся в песке и начал перед бабами по дороге перепархивать.

– Смотрите-ка, – говорят бабы, – дятел-то совсем мокрый, давайте его ловить! —

Поставили наземь свои горшки, да за Дятлом, а он от них дальше и дальше, отвел их в сторонку, поднялся вверх и улетел. А собака в это время выбежала из-за куста и всё, что было в горшочках, поела и приела, насытилась.

Воротились бабы, глянули, а горшочки катаются по земле порожние. Делать нечего, забрали горшки и пошли домой.

Дятел догнал собаку и спросил:

– Ну, что, сыта? —

– Сыта, – отвечает собака.

– Вот. Пойдем же домой, – сказал Дятел.

Вот Дятел летит, а собака бежит; и видят, что лиса по дороге от них убегает, будто хотела в дом Дятлов попасть, и птенцов украсть.

– Лови лису, воровку! – кричит Дятел.

Собака бросилась за лисою, а лиса припустила изо всех сил. Случилось в ту пору ехать мужику с бочкой дёгтя. Вот лиса и кинулась через дорогу, прямо к телеге и проскочила, чуть не сквозь спицы колеса; собака было за нею, да не успела и под колесо попала, – тут из неё и дух вон.

– Ну мужик, – говорит Дятел, – когда ты задавил мою собаку, то и я причиню тебе великое горе! —

Сел на телегу и начал долбить дыру в бочке, стучит и стучит, скоро дыра будет. Только отгонит его мужик от бочки, Дятел бросится к лошади и садится промеж ушей и долбит её в голову. Сгонит мужик с лошади, а он опять к бочке; так продолбил в бочке дыру и весь дёготь выпустил. А сам говорит:

– Еще не то тебе будет! – и стал у лошади голову долбить. Мужик взял большую палку, засел за телегу, выждал время и как хватит изо всей мочи, – только в дятла не попал, а со всего маху ударил лошадь по голове и ушиб её до смерти....

Часть 5

Воспоминание – это некоторый род встречи, когда мы встречаемся вновь с теми людьми, с которыми расстались давно и давно не виделись.

Память, это бич наш, бич несчастных людей, она оживляет даже камни прошлого, говорят, но в то же время, в тот «яд», выпитый в прошлом, память подливает и каплю меда, некоторую сладость воспоминания. А помнить старое – это все равно, что понимать, а чем больше понимаешь, тем более видишь и хорошее в случившихся в прошлом событиях.

Поэтично сказал нам о памяти Чехов:

«Бывает так, что на горизонте мелькнут журавли, слабый ветер донесет их жалобный крик, а через минуту, с какой жадностью ни вглядывайся в синюю даль, не увидишь ни точки, не услышишь ни звука, – так точно люди с их лицами и речами мелькают в жизни и утопают в нашем прошлом, не оставляя ничего больше, кроме ничтожных следов памяти».

Умерла моя бабушка от остановки сердца.

Обычно описывают смерть, кончину человека так, что у человека умирающего холодеют пальцы рук..., и сердце перестает биться от минутного ужаса.... Тогда, закрыв глаза, умирающий глубоко вздыхает в последний раз и всё, можно сказать – Алес!...

Но бывает смерть в борьбе, как у тех же атлетов-борцов на ринге. Спортсмены на тренировках своих потеют, каждый день работают с тяжестями, накачивая свои мышцы: бицепсы, трицепсы, супинаторы и пронаторы, дельтовидные. И они следят, как бы не простудиться. Всё было бы хорошо, но всякая борьба дает нагрузку на сердце человека.

Видите ли, бывает у человека склонность к гипертрофии сердца. Это такая болезнь, которой подвержены все люди, занимающиеся усиленной мускульной работой: кузнецы, матросы, гимнасты и так далее. Стенки сердца у них от постоянного и чрезмерного напряжения необыкновенно расширяются, и получается то, что врачи в медицине называют – «бычье сердце». Такое сердце в один прекрасный день отказывается работать, с ним делается паралич, и тогда – баста, представление окончено.

Мы ходили с бабушкой в сосновый лес за сухими ветками, за дровами. Для этого была сделана тележка с двумя колесами и дощатой площадкой. Две длинные палки, соединенные поперечиной впереди, торчащие из под тележки, служили ручкой-оглоблями, в которые впрягалась бабушка (и я), и тянули мы эту телегу как лошади, вместо хомута была веревка привязанная к обеим оглоблям. У сосен растущих все выше вверх отсыхали нижние ветки, теряя хвою, и торчали сухими на стволах. Для того чтобы их обломать бабушка брала с собой длинный багор. Этим багром она цепляла вет-

ки ближе к стволу и срывала их, роняя на землю. А потом мы складывали сухие длинные ветки на телегу, на площадку, большим высоким стогом и, перевязав его веревкой, тянули домой. Дома разбирали привезенные длинные сухие палки: их ставили стоймя к стенке сарая под крышу, под козырек. Эти дрова сухие легко кололись-ломались и хорошо горели, быстро разгорались. Они были нужны для растопки печи зимой, да и летом, чтобы сварить пищу.

Бабушка жила одна и одна управлялась со всем домашним хозяйством и с этой тяжелой заготовкой сухих дров.

Одна из запомнившихся мне сказок, рассказанная бабушкой:

О петушке.

Ходили курочка с петушком на поповом гумне. И подавился петушок бобовым зернытком. Курочка сжалилась, пошла-побежала к речке просить воды. Речка ей говорит:

– Пойди к липке, проси листика, тогда и дам тебе воды! —

Бежит курочка к Липке:

– Липка, липка! Дай листик: листик снести к речке, речка даст воды, воду снести к петушку – он подавился бобовым зернытком: ни спышит, ни сдышит, ровно мертвый лежит.

Липка говорит курочке:

– Поди к девке в горницу, проси ниток: тогда дам тебе листика. —

Прибегает курица в горницу:

– Девка, девка! Дай ниток: нитки снести к липке, липка

даст листика, листик снести к речке, речка даст воды, воду снести к петушку – он подавился бобовым зернытком: ни спышит, ни сдышит, ровно мертвый лежит.

Девка говорит: – Пойди к корове, проси молока: тогда дам тебе нитки.

Пришла курочка к корове:

– Корова, корова! Дай молока, молоко снести к девке, девка даст нитки, нитки снести к липке, липка даст листика, листик снести к речке, речка даст воды, воду снести к петушку, – подавился петушок бобовым зернытком: ни спышит, ни сдышит, ровно мертвый лежит. —

Корова говорит:

– Пойди курочка к сенокосам, попроси у них сена: тогда дам тебе молока.

Пришла курочка к сенокосам.

– Сенокосы, сенокосы! Дайте сена, сено снести... – петушок подавился бобовым зернытком: ни спышит, ни сдышит, ровно мертвый лежит.

Сенокосы говорят: – пойдя курочка к кузнецам, чтобы сковали косу.

Пришла курочка к кузнецам:

Кузнецы, кузнецы! Скуйте мне косу, косу снести к сенокосам... – петушок подавился бобовым зернытком: ни сдышит, ни спышит: ровно мертвый лежит.

Кузнецы говорят: – Иди курочка к угольщикам, проси у них угля: тогда скуем тебе косу.

Пришла курочка к угольщикам:

Угольщики, угольщики! Дайте уголья,
уголье снести к кузнецам, кузнецы скуют косу,
косу снести к сенокосам, сенокосы дадут сена,
сено снести корове, корова даст молока,
молоко снести к девке, девка даст нитки,
нитки снести липке, липка даст листика,
листик снести речке, речка даст воды,

воду снести к петушку, – подавился он бобовым зерныт-ком: ни спышит, ни сдышит: ровно мертвый лежит.

Дали угольщики уголья. И снесла курочка уголье к кузне-цам, кузнецы сковали косу; снесла косу к сенокосам, сено-косы накосили сена; снесла сено к корове, корова дала мо-лока; снесла молоко к девке, девка дала нитки; снесла нитки к липке, липка дала листика; снесла листик к речке, речка дала воды; снесла воду к петушку: он лежит себе лежит, ни спышит, ни сдышит, подавился на поповом гумне бобовым зернытком.

Тут и сказочке конец, а кто слушал молодец.

Конец.

Документальный рассказ (рабочее название)

Часть 1 Объяснение

В немецком языке есть буквы с двумя точками над ними. Точки называются – умляут. Есть «а» умляут и есть «у» с двумя точками, умляут. Звук «у» умляут изображает промежуточный звук между «у» и «ю», почти «ю», но не «ю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.